

- яние, проблемы, перспективы развития: материалы 12-ой Междунар. научно-практ. конф. – Казань, 2018. – С. 42-48.
7. Репринцев, А.В. Средовой подход в приобщении молодежи к традициям и ценностям русской национальной культуры / А.В. Репринцев // Российская школа в международном образовательном пространстве: мат. международной научно-практ. конф. 15-16 ноября 2011- Ст. Оскол: Изд-во «Оскол-Информ»/ СОФ НИУ «БелГУ», 2011. – Т.1. – С.76-81.
 8. Сулима, И.И. Средовой подход как методология научно-педагогического исследования / И.И. Сулима // «Almamater» (Вестник высшей школы). – № 7 (август). – 2010. – С.36-39.
 9. Ясвин, В.А. Исследования образовательной среды в отечественной психологии: от методологических дискуссий к эмпирическим результатам / В.А. Ясвин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 80-90.
 10. Ясвин, В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

**ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ
МИССИИ ХУДОЖНИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**THE DIALECTIC OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN MAN AND CULTURE IN THE POST-INDUSTRIAL
CIVILIZATION FORMATION: EVOLUTION OF THE
ARTIST'S MISSION IN THE MODERN WORLD**

А.В. РЕПРИНЦЕВ

A.V. REPRINTSEV

Курский государственный университет

Курск, Россия

Kursk State University

Kursk, Russia

e-mail: reprintsev@mail.ru

Автор статьи размышляет о взаимоотношениях культуры и человека, диалектической связи творения и воспроизведения культуры в каждом новом поколении людей. Автор акцентирует внимание на векторах эволюции смыслов и ценностей культуры в условиях постиндустриальной, «цифровой» цивилизации, миссионерском служении художника делу духовного развития человека, сохранению и приумножению эстетических ценностей. Особый предмет тревоги автора – «компьютеризация» искус-

ства, превращение его из творческого таинства в технологию, в массовое производство «электронных творцов», создающих не творения человеческого духа, а продукты «массовой культуры», ведущие человеческую цивилизацию к духовному декадансу и нравственной деградации.

Ключевые слова: психология художественного творчества; педагогика профессионального образования; диджитализация искусства и образования; цифровая культура; способности; художественное творчество; дизайн-образование.

The author of the article reflects on the relationship between culture and the man, the dialectical connection between creation and culture reproduction in every new generation. The author focuses on the vectors of the evolution of the meanings and values of culture in a post-industrial, “digital” civilization, the missionary service of the artist to the spiritual development of the man, the preservation and enhancement of aesthetic values. A special subject that bothers the author is the “computerization” of art, its transformation from creative sacrament into technology, into mass production of “electronic creators”, not making the creations of the human spirit, but products of “mass culture” leading human civilization to spiritual decadence and moral degradation.

Keywords: psychology of artistic creativity; pedagogy of vocational education; digitalization of art and education; digital culture; abilities; artistic creativity; design-education.

На протяжении многих веков культура творит человека, воспроизводя в его сознании важнейшие жизненные смыслы и ценности, определяющие высшие, базовые экзистенциальные основы социального бытия личности. Культура и искусство для человеческой цивилизации всегда были сферой духовного производства, покрытых тайной явления чуда, мистического рождения художественного образа из глубинных структур человеческого сознания. Эту тайну много веков силятся разгадать и сами творцы искусства, по-разному выражая рождение замысла, поиск концептуальной идеи, выбор средств ее воплощения, авторскую интерпретацию созданного произведения. Авторство, субъектность творца всегда были привилегией деятеля искусства, выражающего в созданном творении не только собственное видение предмета художественного отображения, но и предлагающего зрителю авторскую трактовку, оценку реальности, формирующего идейно-смысловой контекст культуры, пробуждающего лирой «чувства добрые», «дум высокие стремленья», стремящегося «глаголом жечь сердца людей». Воспроизводя в произведениях искусства важнейшие духовные смыслы и идеи, художники тем самым ретранслируют сквозь времена и пространства систему жизненных координат, представления о границах долженствования, критерии добра и зла,

высокого и низкого, героического и комического – весь спектр накопленных человечеством представлений о том, как следует жить, чтобы сохранить в себе человеческое. Смысл акта художественного творения в том и состоит, чтобы показать зрителю путь к свету, к свободе, к гуманизму.

Современная цивилизация стремительно утрачивает свою способность быть субъектом жизни и творчества: активное вторжение в человеческое бытие технических устройств, призванных облегчить жизнь людей, превращает это бытие в неистребимую зависимость человека от техники, делает его «придатком машин» (М. Хайдеггер). Технические устройства уже начинают диктовать человеку свою волю, регламентируя его бытие, задавая «рамки» отношений с техникой. Уже одно понятие «умный дом» делает компьютер одним из субъектов жизнедеятельности дома, а по сути – подчиняя себе и человека, еще владеющего домом, но уже не в полной мере контролирующего дом... Техногенная цивилизация породила и целый ряд понятий, которые ныне активно вошли в жизнь людей: «цифровая экономика», «цифровая культура», «цифровое искусство», «цифровое вещание», «диджитализация» и т.д.

Современный мир стремительно меняется, сбрасывая «старые одежды» и рядясь в новые. Новые обстоятельства жизни, новые социокультурные реалии предъявляют и новые требования к самому человеку, вынуждая его изменять себя, адаптироваться, искать новые способы взаимодействия с миром. Изменения окружающего мира человеческое сознание не успевает осмыслить, осознать, отрефлексировать – человек продолжает по инерции жить прежними представлениями, сложившимися стереотипами, продолжает ориентироваться на устойчивые нормы и ценности культуры, не всегда в полной мере понимая суть новой ситуации развития и изменившиеся требования к человеку, живущему уже в новой реальности, но пользующегося прежним фондом способов социальной коммуникации, творения реальности, реализации своих собственных «природных сущностных сил». Этот «отрыв» от реальности может стать весьма опасным, если адаптационные ресурсы человека исчерпаны, а новая реальность оказывается недостижима для личности, не стала продуктом собственной созидательной, преобразующей деятельности человека, осталась для него «terra incognita» – непознанной, неосвоенной, не подвергшейся его преобразовательной деятельности.

Действительно, в последние несколько десятилетий в человеческий лексикон уже прочно вошли целый ряд новых слов, отражающих кардинальные изменения «старого мира»: «постиндустриальная цивилизация», «общество спектакля», «общество потребления», «техногенная цивилизация», «цифровая эпоха», «цифровая экономика», «четвертый и пятый

технологический уклад» и мн. др. Эти словосочетания лишь подчеркивают стремительное изменение «старого мира», в котором происходят значительные трансформационные процессы, за которыми неизбежно следуют изменения и самого человека, вынужденного приспосабливаться к новым социокультурным реалиям. Но каким должен быть человек, «вписывающийся» в новую модель общественного мироустройства? Каким должно быть Искусство, которое способно обеспечивать развитие человека с личностными качествами и характеристиками, соответствующими новым общественным потребностям?

Искусство как одна из важнейших форм общественного сознания (наряду с наукой, моралью и религией) всегда было и остается важнейшим фактором формирования сознания личности, ее отношения к окружающему миру. Искусство в образной форме, опосредованно ретранслирует социальный опыт, задает цели и смыслы социального бытия индивида, внедряет в сознание человека нормы и ценности гуманных отношений между людьми, культивирует ценностное, уважительное отношение к национальной истории и культуре, проповедует терпение, любовь, возвышенность и благородство человеческих поступков, величие и красоту человека труда и т.д. В таком контексте искусство всегда выступает мощным фактором социального воспитания личности, ее социально-нравственного развития, пропаганды подлинно человеческих, гуманистических ценностей. Именно поэтому искусство является одним из важнейших средств воспитания детей, начиная от их рождения, дошкольного и школьного развития. Уже в колыбельной песне, в первых сказках присутствуют образы и образцы, через которые в сознание ребенка входит социальный опыт предшествующих поколений, образы и поступки героев, с которыми ребенок начинает себя идентифицировать, которым стремится подражать. А это и есть социальное воспитание ребенка через искусство.

Изменяется ли суть взаимоотношений человека и искусства в условиях постиндустриальной цивилизации? Ответ на это вопрос не так однозначен, как это кажется на первый взгляд. В условиях постиндустриальной (информационной) цивилизации в этих отношениях появляется «посредник», которого прежде не было – информационная среда. Эта информационная среда сегодня стала и «хранилищем», и потребителем, и заказчиком, и мощнейшим агентом влияния на сознание и поведение огромных масс людей. Конечно, искусство остается фактором влияния, мощным средством формирования сознания человека. Но способы взаимодействия человека с искусством претерпевают значительные изменения: опосредованное взаимодействие становится, пожалуй, наибо-

лее массовым видом коммуникации, информационная среда выполняет функцию «посредника», «ретранслятора», в определенной мере предопределяющего результаты такого «взаимодействия». Формально суть взаимоотношений, кажется, остается прежней, а вот формы взаимодействия, способы «потребления» искусства становятся иными, – в них появляется «посредник», способный дозировать «потребление», определять ракурс рассмотрения предмета, а иногда и откровенно навязывающий и предмет, и готовую его оценку... Так чаще всего «продвигаются» поделки под искусство – творения «массовой культуры», внедряющие в сознание целого поколения детей и молодежи (да и вполне зрелых людей) ложные смыслы и ценности, имитацию подлинного, высокого, нравственного. Так обеспечивается дрейф человека в маргинальное дно, так человек дистанцируется от высокого в искусстве к низменному, пошлому, уродливому, безобразному... Как тут не вспомнить фундаментальный труд А.В. Кукаркина, посвященный «массовой культуре», в котором известный исследователь называет буржуазную культуру «формулой ложного мира» [28, с.162]. Неоднородность культуры всегда связана с «многослойностью» общества и самой культуры. На это указывают многие исследователи, отмечая «связь проблемы культурного потребления с социальной дифференциацией... Двусмысленность проблемы массовой культуры состоит в том, что эта культура неявно рассматривается как культура социальных низов, плебса. Но ведь если массу понимать как потребителей газет и рекламы, то она не совпадает с группой лиц физического труда. И буржуазия не сразу обрела свое "скромное обаяние" и изысканность вкусов. Некогда она считалась низшим классом, а роман, который она "потребляла", виделся низким жанром. Словом, возникали проблемы... Постепенно отношение к массовой культуре с точки зрения нормативного суждения вкуса расшатывалось, и прежде всего теми, кто занимался социологическими исследованиями культуры, пусть даже они, как Х. Ортега-и-Гассет, стояли на "сильных" модернистских позициях. Именно он обратил внимание на дифференцирующую функцию модернистского искусства» [24, с.144].

Современная российская социокультурная реальность изобилует примерами «омассовления сознания» людей, социального расслоения, вслед за которым закономерно происходит и культурная дифференциация, определяющая доминирующие вкусы, эстетические потребности и интересы, способы потребления и удовлетворения духовных запросов в каждой из социальных страт. Искусство становится одной из тех сфер общественной жизни, в которой преломляется социальный (экономический!) статус конкретного человека, а доступ к искусству определяется не столько глубиной и широтой его культурных потребностей, сколько

финансовыми возможностями для этого. Иными словами, чем выше финансовые возможности гражданина, тем больше у него предпосылок для удовлетворения своих культурных запросов; и наоборот: чем беднее человек, тем меньше у него шансов на духовное развитие, на общение с подлинно высоким искусством. Дрейф большей части молодых людей в сторону маргинализации, духовного оскудения связан с деструктивным влиянием культуры постмодернизма, окончательно разрывающего целостность, системность мировосприятия и миропонимания человеком [29]. В частности, Н.Б. Маньковская отмечает «неканоничность постмодернистской эстетики», подробно характеризуя ее основные теоретические ветви – постфрейдизм, постструктурализм, теорию деконструкции. Детальный анализ ключевых методологических проблем постмодернизма (художественный психоанализ, симулякр, интертекстуальность, иронизм) Н.Б. Маньковская раскрывает на обширном иллюстративном материале, убедительно показывая специфику постмодернизма в искусстве, его соотношение с массовой культурой. Надо признать, что идеологов постмодернизма (даже постпостмодернизма!) достаточно много и в России; на рубеже веков они дружно стали заявлять о «кризисе культуры», об «окончательной победе над квасными патриотами», о долгожданной «победе западников над славянофилами» и т.д.

Постмодернистская концепция общества зародилась в европейской философии и связана с работами целого ряда западных мыслителей [Бауман 2008; Затонский 2000; Ильин 1998; Иноземцев 2000; Кастельс 2000; Хагуров 2015 и др.]. «Термин "постмодернизм" в данном случае носит собирательный характер, включая в себя не только собственно постмодернизм, но и "ближайших родителей" – структурализм и постструктурализм» [43, с.10]. Сущность влияния постмодернизма на современную культуру, по мнению Т.А. Хагурова, состоит в «отказе от реальности», «деиерархизации» мира. Философ пишет: «Традиционное различие высокого и низкого, допустимого и запрещенного, нравственного и аморального уступает место широкому полю "дискурсов", "интерпретаций" и "альтернативных реальностей". ...Общий же урок, несомый постмодернизмом миру и культуре, можно определить, как проповедь "гедонистического сомнения". В самом деле, если все великие проекты и программы – не более чем "языковые игры", а ценности, традиции и универсальные смыслы суть "маски тоталитарного сознания", то что же есть реальность? С чем остается человек, сбросивший "иго" "текстуальных традиций" культуры и "защитных механизмов и реактивных образований" своего "буржуазного", "тоталитарно-рационального" сверх-Я? Ответ постмодернизма: с фрейдовским "принципом удовольствия", "естественно-природным",

а следовательно универсальным бессознательным Либи́до. Глубинные корни постмодернизма, основанные на совмещении марксистского призыва к выходу "из царства необходимости в царство свободы" и фрейдистского понимания либидо как единственной "настоящей" реальности, неизбежно влекут его сторонников к абсолютизации реальности удовольствия, освобождающей от запретов и предписаний нормативной реальности. Эти культурные интенции постмодернизма получили мощную поддержку в лице индустрии развлечений и медицинских услуг. Развлечения и комфорт – самая, пожалуй, доходная сфера в обществе, где "гедонистическое сомнение" становится культурным стержнем. Особая роль принадлежит медицине. Легализация и совершенствование технологии абортa, развитие индустрии контрацепции практически полностью освободило сферу сексуальных удовольствий от "неудобных" вмешательств реальности в виде детей. Теперь биологически обусловленная связь между сексуальным удовольствием и деторождением оказывается разорванной и "принцип реальности" ничуть не препятствует "принципу удовольствия"» [42, с.80.].

Обратим внимание на очень важный тезис, связанный с межпоколенным диалогом, взаимодействием «отцов и детей» в свете постмодернистской концепции мира. Такая концепция диаметрально противоположна той традиции преемственности культуры, наследования ее ценностей и смыслов, которая сложилась в культуре Русского мира. По существу, постиндустриальная цивилизация порывает с прошлым и его носителями, отрицает прошлое, устремляясь в будущее, призывает человека всецело отдаться удовольствиям. Технический прогресс позволяет человеку «сохранить молодость», «избежать старости», «поддерживать форму». «Чтобы наслаждение было как можно более длительным во времени (еще одно «неудобное» проявление «принципа реальности» – старость), к услугам желающих косметическая хирургия, а в прогнозируемом будущем и биотехнологии клонирования и трансплантологии. Любопытный с теоретической точки зрения, но печальный с практической, результат распространения постмодернистского гедонизма – нарастание садо-мазохистских импульсов в тех областях культуры и искусства, которые в наибольшей степени подверглись влиянию постмодернизма, так же как и в связанных с ними течениях развлекательной индустрии» [42, с.82].

Современная постиндустриальная цивилизация предлагает входящему в жизнь подростку бесконечные удовольствия, не ограниченные никакими «табу», никакими запретами и нормами, а «снимает» их (запреты) «новая мораль», пропагандирующая примат личного над общественным, подпитывающая в незрелом человеке тягу к удовольствиям, разжигающая в нем

примитивный нарциссизм, воспаляющая его Эго. Некоторые идеологии постмодерна уже заявляют о «смерти морали». Н.Н. Зарубина пишет: «Новое состояние культуры, получившее название «постмодернистской», «рефлексивного модерна», «радикального модерна», по мнению З. Баумана и других учёных, характеризуется распадом универсальной «арочной морали», ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. Так, З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречён жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка. Этика убеждения, предполагающая безусловную веру в незыблемые ценности, или этика служения, основанная на следовании долгу перед обществом, уходят в прошлое и не могут более служить достаточным основанием для принятия нравственных решений, поскольку все ценностные и социальные иерархии стали относительными» [17, с.97].

Истинное искусство «оживляет» мораль, помогает человеку точнее понять, где находится та черта, за которой теряется человеческое достоинство, за которой человек перестаёт быть Человеком. Искусство проповедует Добро, Красоту, Справедливость, Честь, Достоинство, Правду, Ответственность, Гуманизм – широкий диапазон человеческих ценностей и эмоциональных состояний, освоение которых служит «мерилом» окультуренности человека, приобщенности его к отсорбированным веками экзистенциальным смыслам и нормам человеческого бытия. Искусство служит одним из важнейших каналов ретрансляции морали. Если «нет морали», если вся жизнь – «гонка за удовольствиями», если «прошлого нет», если существует только личная «свобода», не ограниченная никакими нормами, тогда «зачем труд?», «зачем совесть?», «зачем ответственность»? Тогда не нужно оглядываться назад, – надо смотреть только вперед, не нужны никакие авторитеты, не нужны идолы, – нужно освободиться от старых догм и жить своими внутренними желаниями... В этой цепочке постмодернистских утверждений выражена вся концепция жизни тех, кто сегодня сидит за школьной партой, кто только готовится войти в мир взрослых. «Самой *приемлемой* из аморальных практик для современных россиян, в том числе и молодых, является *практика сознательного обмана кого-то для достижения своих целей*. При этом в среде молодых россиян её противниками являются лишь чуть более трети (38-39% среди молодёжи и 56% среди представителей старшего поколения), а прибегали к ней – 41-45% молодёжи (27% россиян старше 35 лет)» [17, с. 98]. Какая же культура может быть построена на лжи, на обмане своих же соотечественников? Какая история может быть написана, если она

изначально фальшива, если она «порывает с прошлым»? Кого же считать национальными героями, по каким моральным критериям оценивать их поступки? На какие жизненные смыслы и ценности ориентироваться подростку и юноше, выстраивая собственную линию бытия? Что считать мерилom успешности человеческой жизни? – Вереница подобных вопросов столь велика, что едва ли постмодернизм найдет на эти вопросы ответы, едва ли поможет подростку или юноше выработать свои жизненные цели и найти верные средства для их достижения. Постмодернистская концепция жизни «объективно порождает плюрализацию и релятивизацию моральных ценностей и норм, стандартов повседневного поведения. Это осложняет выбор жизненной стратегии и лишает возможности применять однозначные критерии их успешности и эффективности на индивидуальном уровне, а на уровне общества – оценить успешность и эффективность социализации молодого поколения» [17, с.98]. Не потому ли ныне столь часто люди стали использовать другого (даже очень близкого) человека для достижения своих узко-эгоистических целей, а по достижении этих целей тут же разывают с ним отношения? Не потому ли в отношениях между людьми стало ныне так много цинизма, откровенной лжи, фальши? Пожалуй, более всего подобную модель «дружеских» отношений сегодня пропагандирует кино: достаточно вспомнить отдельные сюжеты и персонажи из «Духлесс», «Левиафан» и других нашумевших лент, герои которых не очень озабочены моральными угрызениями за совершенные предательства и измены, а извлекают наслаждения из каждого удобного случая. Интереснейшие исследовательские результаты, отражающие состояние социально-нравственной культуры подростков и юношества, эволюцию их ответственного отношения к другим людям, к профессиональной деятельности, содержание общения и способы организации досуга, приводит в своих многочисленных публикациях И.Е. Булатников [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. В частности, исследователь пишет: «Общий вектор эволюции морального сознания юношества очевиден – в нем явно просматривается акцент на собственном Я, нарастание индивидуализма, доминирование индивидуального над социальным, ощутимая утрата внешних, регламентирующих рамок общественно одобряемого поведения, растущая власть денег, грубой физической силы, стремление к обособлению от внешней среды, ориентация на «красивую жизнь» без выраженного стремления достичь такую «красоту» собственным трудом, установка на социальный эгоизм, индивидуализм, отчуждение, обособленное существование молодых людей в социальном пространстве, легковесное, беззаботное отношение к жизни...» [4, с.69]. Почему так опасна деструкция общественной морали для развития человека, прежде

всего – детей и молодежи? Ее главная опасность состоит в разрушении базовых этических представлений личности, формируемых через образное восприятие мира, через социально-ценные эмоции, через сострадание, сопереживание, сочувствие, соучастие, сорадование.

Настоящее, истинное Искусство всегда пропагандирует именно эти нравственные ценности и нормы, к ним обращает внимание зрителя, о них рассказывает входящему во взрослый мир ребенку. Именно с этими ценностями и нормами сопряжено в общественном сознании понимание подлинной, истинной культуры [12, с.119]. Не случайно в анализе де-струкции общественной морали И.Е. Булатников обращается к работам Альберта Швейцера, в которых великий гуманист XX века размышлял о кризисе буржуазной культуры. Исследователь пишет: «Глобализирующаяся культура, глобальное "общество потребления", в котором мерилом социальной успешности человека становится возможность получения доступа к материальным "благам цивилизации", размывают границы должного, обесценивают нравственные императивы человеческого бытия, задают ложные смыслы и цели реализации личностью своих "природных сущностных сил"».

Действительно, современная цивилизация предлагает входящему в жизнь человеку невероятные варианты "сценариев жизни", выбор которых ныне личностью опирается преимущественно лишь на ее материальные возможности и практически не сопряжен с мерой ее вклада в "общественное богатство", в "благо для всех". Так в личности обнаруживает себя непреодолимое противоречие между социальным и индивидуальным, между внешним и внутренним, разрешение которого неизбежно оказывается сопряжено с моральным выбором, осуществляемым каждым человеком: либо жить для себя, либо жить для других... И этот выбор становится сегодня все более очевидным: молодое поколение все откровеннее делает его в пользу "себя", совершая стремительный "культурный дрейф" от традиционной русской национальной культуры в сторону культуры эгоистической, индивидуализированной, гедонистической, ориентирующей человека на удовольствия, культ денег, праздность, отсутствие моральных авторитетов и самоограничений» [12, с.120]. Следует признать, что очень своеобразную «помощь» молодому человеку в этом очень трудном социальном и нравственном выборе оказывает «массовая культура», «массовое искусство», ориентированное на коммерческий успех, на прибыль. Едва ли подобными мотивами руководствовался И.Е. Репин, создавая знаменитых «Бурлаков» и «Крестный ход», едва ли на коммерческий успех полагались В. Суриков и В. Серов, И. Шишкин и А. Куинджи, В. Васнецов и И. Крамской, В. Поленов и А. Дейнека...

Финансовый успех сегодня становится важнейшим мерилом творческой состоятельности и художника, и созданного им произведения...

Потребительская психология пропитывает неокрепшее сознание изнутри и включает подростка и юношу в бесконечную гонку за призраком удовольствия. Окружающие сверстники, также включенные в эту гонку, «подогревают» это состояние, добавляют в нее элемент «состязательности», соперничества. Человек теряет способность адекватно оценивать ситуацию и себя в ней, становясь «членом стада, стремительно несущегося к краю пропасти». Какая на этой стадии мораль?! О какой социальности может идти речь? Какие цели и ценности культуры могут влиять на социальное поведение человека-потребителя? Здесь властвуют только инстинкты! Только жажда комфорта и удовольствия! «XX в. создал все условия для развития потребительской экономики, позволяющей среднему человеку достигать высокой степени максимизации комфорта и удовольствия, посредством интенсивного потребления благ, товаров и услуг. Произошло становление нового социально-экономического порядка, в котором старый добрый «экономический человек» (производитель) стал вытесняться «человеком-потребителем», который становится ключевой фигурой новой потребительской экономики» [24, с.180]. Вторая причина, породившая «потребителя» – становление и распространение массовой культуры, достигшей расцвета к середине XX века, родиной которой является все тот же Запад. Массовая культура, как и потребительская экономика – взаимосвязаны и являются элементами одного и того же социального строя. Важнейшие черты массовой культуры, оказавшие наибольшее влияние на формирование «потребителя» – ее поверхностный характер (понемногу обо всем), игровая, развлекательная направленность, калейдоскопичность, быстрая смена моды, чувственность, апелляция к примитивным инстинктам. Типичный реципиент и заказчик произведений массовой культуры – личность поверхностная, ориентированная на быструю смену приятных впечатлений, ищущая простых рецептов жизни» [25, с. 221].

Русский мир уже вошел в «постиндустриальную цивилизацию», приняв все ее издержки и изъяды, объявив новый поход к вершинам «нового экономического уклада», «экономики знаний», «четвертой технологической революции». Наступление этой «новой реальности» дает о себе знать во многих проявлениях людей, отражаясь прежде всего в новом языке (из которого уходит богатство и выразительность, красота и метафоричность, заменяясь заимствованиями, сленгом, вульгаризмами – «новая варваризация»!). Новый мир уже сделал субъектом жизни компьютер, заменяющий сегодня друзей, родителей, братьев и сестер, бабушек и дедушек, учителей и одноклассников – входящему в этот мир подростку

и юноше остается только «научиться пользоваться клавишами, а мировоззрение его будет сформировано с помощью Интернета и СМИ» [34, с.212]. Новый постиндустриальный мир предстает для будущих поколений как набор информационных сервисов, где реальный человеческий дом будет заменен «умным домом», где дружба и любовь, очевидно, будут заменены технически совершенными (но бездушными!) устройствами. Только едва ли все эти совершенные технические устройства сделают человека счастливым...

Реальная жизнь, реальные отношения сегодня все чаще подменяются суррогатом, дешевыми театральными декорациями. Находясь в таких декорациях, подросток и юноша начинают верить, что это и есть правда, что окружающие их вещи – не дешевая театральная бутафория, не имитация жизни, а сама жизнь. Так молодые люди оказываются пленниками общества спектакля, театра абсурда, в котором все истинное – опрокинуто, все подлинное – опошлено, все человеческое – подменено и обездушено. Привыкая жить в театральных декорациях, в обездушенном мире, человек сам становится «декоративным» элементом, принимает правила игры в театре абсурда и уже не покидает этот театр до окончания своих дней... – Система поглощает, переваривает и выплевывает – за ненадобностью. Ни «природных сущностных сил» (К. Маркс), ни творческих способностей, ни талантов от входящего во взрослый мир человека «театр абсурда» не требует, да и не нуждается в них! – В этом театре уже есть свои «режиссеры», свои «драматурги», свои оформители, работники сцены-монтажу, свои осветители, создающие искусственную яркую картинку, свои музыкальные оформители, свои сценографы и балетмейстеры – от входящего в этот мир подростка и юноши требуется только одно: зазубрить роль и воспроизвести порученный текст – «слово в слово», «точь-в-точь», как написал «драматург» и как приказал «режиссер»... «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление. Образы, которые отслаиваются от каждого аспекта жизни, сливаются в одном непрерывном движении, в котором единство этой жизни уже не может быть восстановлено. Реальность, рассматриваемая по частям, разворачивается в своем обобщенном единстве в качестве особого псевдо-мира, подлежащего только созерцанию. Специализация образов мира оказывается завершенной в ставшем автономным мире образов, где обманщик лжет себе самому. Спектакль вообще, как конкретная инверсия жизни, есть автономное движение неживого. Спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструмент

унификации общества. Как часть общества он явно выступает как сектор, сосредотачивающий на себе всякий взгляд и всякое сознание. По причине самой своей обособленности этот сектор оказывается средоточием заблуждающегося взгляда и ложного сознания; а осуществляемая им унификация – не чем иным, как официальным языком этого обобщенного разделения. Спектакль – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [14, с.13].

Постиндустриальный мир, подхватив философские идеи и лозунги постмодернистов, разрушает самое важное, самое ценное – Человека. Разрушает красивыми и правильными речами, громкими заявлениями и победными реляциями – театр должен оправдывать свое назначение! В театре всегда есть ведущие актеры, маститые режиссеры, которые открыто никогда не говорят о своих истинных целях... *Но театр на то и существует, чтобы обмануть, заставить поверить в изыщное лицедейство...* «Спектакль – это непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвalebный монолог. Это автопортрет власти в эпоху ее тоталитарного управления условиями существования. В отношениях спектакля фетишистская видимость чистой объективности скрывает характер межчеловеческих и межклассовых отношений; поэтому кажется, будто вторая природа своими фатальными законами подчиняет себе наше окружение. Но спектакль не является тем необходимым продуктом технологического развития, которое рассматривается как развитие естественное. Напротив, общество спектакля представляет собой форму, избирающую собственное технологическое содержание. ...Повсеместное расщепление, производимое спектаклем, неотделимо от современного Государства, то есть от обобществленной формы социального расслоения, продукта общественного разделения труда и орудия классового господства» [14, с.16].

Общество спектакля набирает силу. Оно захватывает все новых и новых зрителей, изменяя их видение окружающего мира и своего места в нем. Праздность и лень, разврат и тяга к вещам, духовная опустошенность и нравственная дезориентированность, атомизированное существование и утрата социального оптимизма – характерные черты тех, кто выходит в самостоятельную взрослую жизнь, кто принимает на себя абсурдную роль и готов играть эту роль до конца спектакля. Если говорить конкретнее, то надо прямо, без иносказательности признать: нынешнее поколение молодежи утрачивает традиционные черты, присущие русскому этносу. На смену им приходят «универсальные» характеристики, порожденные глобализацией, философией постиндустриальной эпохи. Универсализирующаяся культура, выстраиваемая по канонам телеви-

зионного шоу, в полной мере соответствующая «стандартам» массовой культуры, порождает и «универсального человека», идентичность которого размыта, связь с национальной историей и культурой разрушена, представления о нормах и ценностях утрачены. Это тип человека, которого в народном метафоричном языке давно уже обозначили как «Иваны, не помнящие родства», а в классической литературе такой типаж «увековечил» Чингиз Айтматов – в образе манкурта. Манкурт – персонаж в романе Ч.Т. Айтматова «Буранный полустанок, или И дольше века длится день...». По народной легенде, манкуртом называли человека, которого враждебное племя еще ребенком похищало у родителей и особым, жестоким образом лишало памяти. Так человек превращался в раба, послушного исполнителя чужой воли. В одном из эпизодов романа описывается, как один из таких беспамятных манкуртов убивает свою мать, не сознавая, что он делает. Манкурт – имя нарицательное, так говорят о тех, кто не знает и не ценит культуры, истории, нравственных традиций своего народа, и поэтому легко становится объектом чужой воли. Манкурт – тот, кто забыл своё прошлое, отказался от своих национальных обычаев, традиций, ценностей, потерял нравственные ориентиры. Понятно, что такой социальный типаж является «продуктом» социализации, сложившихся в обществе представлений о целях, ценностях, содержании и организации инкультурации детей и молодежи, приобщения их к традициям этноса, его истории и культуре. Родина, Отечество, национальная История, Пантеон национальных героев, Культура, Образование, традиционная общественная Мораль, Природные ресурсы страны, Наука, национальное Искусство – все это и есть самое ценное, что передается от поколения к поколению, что свято хранится, что является абсолютной ценностью для всякого русского человека, для всего Русского мира. Эти ценности созданы трудом и нравственным подвигом многих поколений русских людей, отшлифованы и проверены временем, помогли нашим предкам сохранить в себе человеческое, сохранить Родину. Сегодня идет битва – битва за человека, за многоликий, но монолитный Русский мир, за будущие поколения русских детей, которым предстоит жить и трудиться в этом мире, беречь его для своих потомков [35, с.62].

Современное искусство уходит в виртуальный мир, становится элементом информационной среды. Сегодня уже появились философские труды, в которых основательно прописана феноменология «цифрового компьютерного изобразительного искусства» [15, с.12]. «Феномены цифрового компьютерного изобразительного искусства существуют в принципиально новой онтологической реальности, открывающейся субъекту эстетического восприятия как реальность виртуальная. Особенности

существования феноменов изобразительного искусства в пределах этой реальности определяют принципиально новый характер взаимодействия реципиентов с художественными произведениями, а также целый ряд свойств произведений цифрового компьютерного изобразительного искусства, которые не были характерны для произведений изобразительного искусства традиционного (нецифрового). ... Цифровое компьютерное изобразительное искусство представляет собой форму изобразительного искусства, в рамках которой характерные для изобразительного искусства художественные методы и приемы реализуются с использованием цифровых компьютерных технологий. Несмотря на то, что в современной литературе понятия «компьютерное искусство» и «цифровое искусство» часто используют как синонимы, области феноменов, обозначаемых ими, не совпадают, а их пересечение формирует область цифрового компьютерного искусства. ...Произведением цифрового компьютерного изобразительного искусства является файл (файлы) данных в цифровом формате на машиночитаемом носителе, который обеспечивает возможность сохранить и предоставить реципиенту в аналоговой форме для целей визуальной перцепции сообщение, представляющее собой созданную автором (авторами) субъективную реальность. Произведение цифрового изобразительного искусства обладает следующими основными свойствами: безобъектностью; программной и аппаратной зависимостью; доступностью для редактирования; устойчивостью к копированию и тиражированию; множественностью оригинала; делируемостью (от англ. *delete* – изымать, удалять). ...На основе информационного подхода эстетическое может рассматриваться как свойство информации, определяющееся ее ценностью, зависящей от целеустановок и тезауруса реципиента; субъективная оценка реципиентом степени эстетичности рецептируемой информации зависит от отношения количества ценной информации к общему количеству информации в сообщении. Художественная форма представления информации позволяет максимизировать это отношение с использованием наиболее эффективного способа - преобразования части неценной информации в ценную, прежде всего за счет: представления информации в форме, доступной для реципиентов с таким уровнем тезауруса, который не позволяет им использовать информацию, представленную в других формах; изменения целеустановки реципиента» [15, с.11-13]. Нет смысла комментировать приведенную цитату из автореферата доктора философских наук, но возникает очень важный вопрос: что же первично – художественное творчество живописца в реальном мире и перенесенный в виртуальный мир снимок (фотография) его произведения, или все-таки мир виртуальный, похитивший (как Зевс похитил прекрас-

ную Европу – дочь царя Финикии) произведение искусства и обеспечивший массовый «доступ» к нему в цифровой реальности?

Понятно, что Художник и его Искусство никуда не исчезает, что способности и особое видение мира остаются той первоосновой, без которой невозможно Изобразительное Искусство. Понятно и то, что для художника всегда важен зритель – тот, ради кого живописец, архитектор, дизайнер творит мир, пытается его эстетизировать, сделать гармоничнее, комфортнее [35, с.61]. Понятно, что художник творит культуру, является ее важнейшим субъектом. От того, с каким духовным потенциалом художник выходит в творческую жизнь, в какой мере ему удастся реализовать себя в искусстве, зависит сама жизнь, ее красота, ее одухотворенность, ее нравственное наполнение [35, с.60].

На протяжении многих веков культура творит человека, воспроизводя в его сознании важнейшие жизненные смыслы и ценности, предопределяющие высшие, базовые экзистенциальные основы социального бытия личности [3, с.323]. Культура и искусство для человеческой цивилизации всегда были сферой духовного производства, покрытых тайной явления чуда, мистического рождения художественного образа из глубинных структур человеческого сознания [2, с.7]. Эту тайну много веков силятся разгадать и сами творцы искусства, по-разному выражая рождение замысла, поиск концептуальной идеи, выбор средств ее воплощения, авторскую интерпретацию созданного произведения [1, с.57]. Авторство, субъектность творца всегда были привилегией деятеля искусства, выражающего в созданном им творении не только собственное видение предмета художественного отображения, но и предлагающего зрителю авторскую трактовку, оценку реальности, формирующего идейно-смысловой контекст культуры, пробуждающего лирой «чувства добрые», «дум высокие стремленья», стремящегося «глаголом жечь сердца людей». Воспроизводя в произведениях искусства важнейшие духовные смыслы и идеи, художники тем самым ретранслируют сквозь времена и пространства систему жизненных координат, представления о границах долженствования, критерии добра и зла, высокого и низкого, героического и комического – весь спектр накопленных человечеством представлений о том, как следует жить, чтобы сохранить в себе человеческое. Смысл акта художественного творения в том и состоит, чтобы показать зрителю путь к свету, к свободе, к гуманизму [34, с.210].

Размышляя о сущности современного искусства, художественном творчестве в постиндустриальную эпоху, в эру «цифрового искусства» и «цифровой культуры», неизбежно возникает понимание того, что человеческая цивилизация столкнулась с целым рядом проблем, без решения

которых дальнейший общественный и культурный прогресс едва ли возможен. Что тревожит более всего?

- Социальная стратификация, порождающая не только разные материальные условия жизни, но и разные культурные потребности, разные интересы, ценностные ориентации людей.
- Социальная индивидуализация, социальная анония, социальное обособление, отторжение межпоколенческих связей, нарастание эгоизма, индивидуализма. Одним из следствий этого становится размывание критериев эстетической оценки явлений и предметов окружающего мира, в том числе произведений искусства.
- Омассовление сознания человека, чему во многом способствует активное информационное давление, реклама, мода, доминирующие вкусы, предопределяющие общественные установки, критериально-оценочную базу восприятия и оценки произведений искусства, явлений и процессов социальной реальности.
- Заметное сокращение меры включенности детей и молодежи в художественно-эстетическую, творческую деятельность, что оставляет неразвитыми (не выявленными) творческие способности человека.
- Обеднение и выхолащивание содержания художественного образования на этапе школьного обучения. Это существенно обедняет общую и эстетическую культуру личности, снижает способность к воображению, творческому мышлению, обедняет ассоциации личности.
- Искусство из средства возвышения Человека стремительно превращается в средство развлечения, досуга, – утилитарное, функция начинает доминировать над эстетическим, форма – над содержанием.
- Коммерциализация искусства – крайне опасный тренд! Кто из художников сегодня успешен? Тот, кто хорошо продается и дорого стоит?.. Нужна государственная политика в отношении изобразительного искусства, и она должна распространяться на всех: на развитие художественных школ; поддержку талантливой молодежи; стимулирование работы с молодыми художниками; нужна целая система конкурсов, грантов, пленэров, в которых молодые и талантливые художники могли бы ощутить свою востребованность.
- Нужна целостная система художественного образования в стране. Невозможно подготовить Художника за четыре года бакалавриата! Невозможно подготовить Художника за один час в неделю, отводящий на рисунок. Невозможно подготовить Художника без музейных и пленэрных практик!

Одной из актуальных проблем современного искусства и жизни художественного сообщества является *проблема диалектики свободы*

и ответственности в художественном творчестве. Творчество возможно лишь там, где есть подлинная свобода художника. Но свобода не от морали, не от табуированных норм культуры, а свобода для утверждения добра и красоты, для созидания самого Человека. Художник – ваятель человеческих душ! Он – пророк, который не словом, а образом «жжет сердца людей». Но сегодня вполне уместно повторить известный вопрос политического вождя: «С кем вы, мастера культуры? На чью мельницу льет ваше искусство воду?»... Каждый художник сам способен ответить на эти «вопросы жизни». Художник – часть народа, душа и совесть нации. То, чем живет народ, о чем мечтает, к чему стремится, от чего страдает – это и есть темы для художественного осмысления!

Современная цивилизация стремительно утрачивает свою способность быть субъектом жизни и творчества: активное вторжение в человеческое бытие технических устройств, призванных облегчить жизнь людей, превращает это бытие в неистребимую зависимость человека от техники, делает его «придатком машин» (М. Хайдеггер). Технические устройства уже начинают диктовать человеку свою волю, регламентируя его бытие, задавая «рамки» отношений с техникой. Уже одно понятие «умный дом» делает компьютер одним из субъектов жизнедеятельности дома, а по сути – подчиняя себе и человека, еще владеющего домом, но уже не в полной мере контролирующего дом... Техногенная цивилизация породила и целый ряд понятий, которые ныне активно вошли в жизнь людей: «цифровая экономика», «цифровая культура», «цифровое искусство», «цифровое вещание», «диджитализация» и т.д. Дальневосточный федеральный университет (оперативно отреагировал на поручение Президента РФ) и уже в 2019 году сообщает: «Цифровое искусство» – Digital Art – стало самой популярной программой Школы цифровой экономики ДВФУ... Под стать коллегам из ДВФУ руководители Санкт-Петербургского университета сообщают: в учебных планах бакалавров СПбГУ появилась новая учебная дисциплина «Цифровая культура». Екатеринбургская академия современного искусства ведет подготовку по программе «Цифровое искусство», заявляя о подготовке «креативных кадров для деятельности в сфере информационных технологий и современного состояния культурных индустрий». В Интернет-изданиях развернулась активная полемика о сущности «цифрового искусства» и его соотношении с традиционным художественным творчеством. В 2018 году вышла на русском языке монография Кристины Пол «Цифровое искусство», которая активизировала дискуссии о том, что представляет собой «Цифровое искусство» и как оно соотносится с реальностью. Слыша эти новости и тревожась о будущем Русского изобразительного искусства и Русской

культуры, невольно возникают опасения: не приведет ли компьютеризация самого процесса художественного творчества к исчезновению творчества как такового? Не окажется ли компьютер более способным, чем художник? Не окажется ли постиндустриальная цивилизация временем исчезновения изобразительного искусства? Конечно, «цифровая эпоха» открывает мощный доступ к информации о культуре и искусстве. Смартфон в руках молодого человека позволяет условно «обладать» произведением, почти мгновенно получить его «в собственные руки»... Но это виртуальное, условное «владение», «обладание», не перешедшее во внутреннее достояние самого человека, зрителя, не делает его субъектом культуры. Так множится и тиражируется «условная окультуренность»... Так происходит дистанцирование от культуры... Опасность этого нельзя не понимать [6, с.148].

Конечно, Русский мир изменяется, меняется и образ жизни русских людей. Но за всеми этими изменениями очень важно сохранить пуповинное родство детей и молодежи со своей национальной культурой, ее ценностями и нормами, традициями и опытом, переживаниями и заботами – с «русским духом», который делал русского человека русским: «Надо учиться заново быть русскими, любить и ценить свой народ, свою историю и культуру, уважать прошлое и моральный выбор отцов. Надо перестать заниматься переписыванием своей истории в угоду политической конъюнктуры. Надо ценить жизнь и понимать ее быстротечность. Надо уважать человеческую личность и ее право быть самой собой. Только в этом случае в самостоятельную взрослую жизнь выйдут действительно духовно богатые, интеллектуально состоятельные молодые люди, способные жить в демократическом гражданском обществе, строить свое будущее, опираясь на традиции и опыт своей национальной культуры» [4, с.90].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бредихин, А.П. Проблемы современного художественно-педагогического образования в контексте «модернизации»: время утраченных иллюзий / А.П. Бредихин // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1 (262). – С. 52-60.
2. Бредихин, А.П. Проблемы социализации молодежи в контексте трансформации национальной культуры и образования / А.П. Бредихин // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики / Под ред. Е.А. Корчагина, Р.С. Сафина. – Казань, 2017. – С.3-8.
3. Бредихин, А.П. Профессионально-личностное развитие студентов-дизайнеров в образовательной среде вуза / А.П. Бредихин // Высшее и среднее профессиональное образование России в начале 21-го века: состояние, пробле-

- мы, перспективы развития / Под ред. Р.С. Сафина, Е.А. Корчагина. – Казань, 2018. – С. 322-328.
4. Булатников, И.Е. «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодежи / И.Е. Булатников // Евразийский форум. – 2012. – №4. – С.78-92.
 5. Булатников, И.Е. Воспитание ответственности / И.Е. Булатников. – Курск: Мечта, 2011. – 228 с.
 6. Булатников, И.Е. Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи / И.Е. Булатников // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 146-152.
 7. Булатников, И.Е. Деструкция общественной морали как проблема современного социального воспитания молодежи / И.Е. Булатников // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т.П. – №5. – С. 24-30.
 8. Булатников, И.Е. Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры / И.Е. Булатников // Избранные труды И.Е. Булатникова: В 2 тт. – Т.1. – Курск: ВИП, 2017. – 392 с.
 9. Булатников, И.Е. Социально-нравственное воспитание студенчества в контексте формирования представлений молодежи о социальной свободе и ответственности личности / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2011. – № 1 (17). – С. 79-90.
 10. Булатников, И.Е. Социально-нравственное развитие молодежи в условиях деструкции общественной морали / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – №3 (23). – С.60-72.
 11. Булатников, И.Е. Этические основы русского образования в зеркале национальной истории и культуры: перечитывая наследие К.Д. Ушинского / И.Е. Булатников // Известия РАО. – 2014. – №3. – С. 14-34.
 12. Булатников, И.Е. Этические основы русского образования в философско-педагогической концепции Е.П. Белозерцева / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2015. – №1 (33). – С. 110–133.
 13. Быстрова, Т.Ю. От модернизма к неорационализму: творческие концепции архитекторов XX-XXI веков / Т.Ю. Быстрова. – Екатеринбург: Вебстер, 2013. – 287 с.
 14. Ги, Д. Общество спектакля. 1967. / Д. Ги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf>. – Дата доступа; 13.03.2019.
 15. Ерохин, С.В. Эстетика цифрового компьютерного изобразительного искусства. Автореф. дисс. ...д.филос.н. / С.В. Ерохин. – М., 2010. – 30 с.
 15. Завьялов, А.С. Произведение цифрового искусства и общество / А.С. Завьялов // Вестник московского государственного областного университета. – 2014. – №3. – С.28-33.
 16. Загребина, С.А. Дигитализация искусства: к вопросу о цифровом репродуцировании / С.А. Загребина // Цифровое общество как культурно-исторический

- контекст развития человека / Под ред. Р.В. Ершовой. – Киров: ВятГГУ, 2016. – С. 138-141.
17. Зарубина, Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности / Н.Н. Зарубина // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 92-108.
 18. Затонский, Д.В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д.В. Затонский. – М.: АСТ, 2000. – 256 с.
 19. Зверева, В.В. Массовая культура: современные западные исследования / В.В. Зверева – М.: «Прагматика культур», 2005. – 339 с.
 20. Ильин, А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения / А.Н. Ильин // Общественные науки и современность. – 2011. – №4. – С. 167-176.
 21. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В.Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
 22. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
 23. Климова, Л.Е. Массовая культура и личность: культурфилософский аспект / Л.Е. Климова. – Ставрополь: СГУ. – 2005. – 150 с.
 24. Козлова, Н.Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов / Н.Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 142-150.
 25. Козловски, П. Культура постмодерна / П. Козловски. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
 26. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А.В. Костина. – М.: URSS, 2016. – 352 с.
 27. Кристиана, П. «Цифровое искусство» / П. Кристиана. – М.: Издательство Ad Marginem и музей современного искусства «Гараж», 2018. – 272 с.
 28. Кукаркин, А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес / А.В. Кухаркин. – М.: Политиздат, 1985. – 399 с.
 29. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетея, 2000. – Серия «Gallicinium». – 347 с.
 30. Окольская, Л.А. Нормативные визуальные образы в массовой культуре для подростков / Л.А. Окольская, В.М. Пешкова // Общественные науки и современность. – 2012. – № 3-4. – С. 162-172.
 31. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства и другие эссе. / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
 32. Питерс, Т. Основы. Дизайн / Т. Питерс. – СПб: СШЭ в СПб, 2006. – 160 с.
 33. Постмодернизм: Энциклопедия / Ред.-сост. Грицанова А.А., Можейко М.А. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – 430 с.
 34. Репринцев, М.А. Социально-нравственные основы проектирования городской среды: миссия и компетентность профессионала-дизайнера / М.А. Репринцев // Высшее и среднее профессиональное образование России в начале 21-го века: состояние, проблемы, перспективы развития. / Под общей редакцией Р.С. Сафина, Е.А. Корчагина. – Казань, 2018. – С. 207-213.
 35. Репринцев, М.А. Этнокультурные основы современного дизайн-проектиро-

- вания: ком-петентностный подход в профессиональной подготовке дизайнера / М.А. Репринцев // Формирование этнокультурной компетентности субъектов педагогического процесса в условиях поликультурной образовательной среды. / Отв. ред. В.В. Константинова. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 56-65.
36. Сафин, Р.С. Непрерывное профессиональное образование: взаимосвязь с производством / Р.С. Сафин, Е.А. Корчагин // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики. / Под ред. Е.А. Корчагина, Р.С. Сафина. – Казань, 2017. – С. 67-72.
 37. Сидоренко, В.Ф. Эстетика проектного творчества / В.Ф. Сидоренко. – М.: ВНИИТЭ, 2007.
 38. Смолкина, Д.В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе. Автореф. дисс. ... канд. культурологии / Д.В. Смолкина. – Екатеринбург, 2012. – 24 с.
 39. Стукалова, А.А. Оценка эффективности продвижения образовательных программ в условиях высоконкурентного рынка / А.А. Стукалова [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». – Том 7. – №3 (2015) . – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/182EVN315.pdf>. – Дата доступа: 25.03.2019.
 40. Токман, А.А. Критерии эффективности управления качеством образования в высшем педагогическом учебном заведении / А.А. Токман // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2016. – №4. – С. 193-198.
 41. Турлюн, Л.Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства. Автореф. дисс. ...к.искусствовед. / Л.Н. Турлюн. – М., 2006. – 32 с.
 42. Хагуров, Т.А. Массовая культура в обществе потребления / Т.А. Хагуров // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2007. – №1 (11). – С. 81-86.
 43. Хагуров, Т.А. Постмодернизм как повседневность, или образование в стиле Кафки: заметки социолога / Т.А. Хагуров // Школьные технологии. – 2015. – № 3. – С. 3-15.
 44. Храмкова, Е. Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем / Е. Храмкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.designet.ru/>. – Дата доступа: 25.05.2019.
 45. Храпов, С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России. Автореф. дисс. ...д.филос.н. / С.А. Храпов. – М., 2011. – 44 с.
 46. Хренов, Н.А. Между культурой и цивилизацией: история образов после истории искусства / Н.А. Хренов // Культура и образование. – 2015. – С.68-77.
 47. Хренов, Н.А. Экранная культура в контексте перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации / Н.А. Хренов // Наука телевидения, – 2016. – С.12-47.
 48. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер / Общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.